

29 04 92

Мусин В.

"НЕВЕСОМОСТЬ СДЕЛАТЬ ПРОСТО!"

Арм. - 1992. - 29 июля (1-25-26) - С. 6

Люди старшего поколения помнят его чуть лучше, чем молодежь. Потому что заслуженный артист России, клоун-дрессировщик Валерий МУСИН объездил практически все города страны, те, разумеется, где есть цирки. А до того в цирке работал его отец, тоже известный клоун Константин Мусин. Несколько лет назад Валерий Константинович покинул существовавшую тогда систему "Союзгосцирк" и имел, наверное, на это свои причины. Как сложилась его жизнь дальше? Об этом было известно немного. Но недавно, придя на представление театра ужасов "Вампир", я увидела в паузах на манеже Валерия Мусина и не смогла удержаться, чтобы не задать ему несколько вопросов.

Потому что, когда работает Мусин, публика бывает покорена и очарована его обаянием и добротой, легкостью общения со своими партнерами - кошками и собаками. Публика хохочет до слез и провожает артиста овациями. Он настоящий клоун. Он умеет создавать иллюзию легкости того, что делает. И только неискушенные в искусстве цирка, посмотрев его работу, подумают, что и сами могли бы так же.

Рассказать о его жизни более или менее подробно, наверное, невозможно. В газетной публикации - особенно. Потому что за ее рамками остаются интонация и мимика артиста, суета его гардеробной, куда постоянно кто-то входит, лай прелестных псов, встречающих каждого посетителя, в конце концов, кошка, прыгнувшая ко мне на колени, едва я села на стул и включила диктофон.

- Валерий Константинович, а ваши кошки со всеми такие добрые?

- Нет, не со всеми. Эта, наверное, хочет работать в прессе, может, у нее в душе журналистское призвание.

- Почему в конце восьмидесятых вы ушли из системы "Союзгосцирка"?

- По двум причинам. Слишком много было идеологии, требовали делать то, к чему не лежит душа и что неинтересно людям. Зачем пропаганда в цирке, когда люди и так устали от того, что говорят по радио и пишут в газетах? Им нужно разрядиться, обрести самих себя. Прийти в цирк как домой и почувствовать, что здесь тебя любят, никто не какает на тебя, не ругает, не гоняет, не тычет тебе в нос телевизор, настроенный на какую-то специзвилину, проверенную на компьютерах. И так далее.

- А вторая причина?

- Не лежала душа и к таким, например, ситуациям. Приходит там... Четвертый секретарь у нас обычно культуру курировал, да? Так вот. Приходит какая-то ляля в воскресенье с детьми, тут же ко мне прибегает директор и говорит: "Валера, ты эту репризу не делай, потому что нашей девочке это не понравится!"

Но "девочка" этого еще не видела, зачем же говорить заранее? Их там шесть раз потом снимают всех! Людям же все равно моя работа интереснее. Прижимали со всех сторон, поэтому я и ушел. Работать в системе смысла не было: ни в творческом, ни в личном отношении.

- Как ваша судьба складывалась дальше?

- Очень хорошо. Я почувствовал, что могу нормально и спокойно работать, делать то, что хочу я, а не какое-то начальство. Меня приглашают в программу, и, если условия меня устраивают, я выступаю. Если нет, то ухожу. Я свободный человек, мне не надо отстаивать два месяца, нет

трудовых книжек. Вот сейчас, например, я чувствую, что этот коллектив мне не подходит. И я работаю с ними последние дни.

- Вы ездили за рубеж в последние годы?

- Да, в прошлом году вернулся из Франции. После этой поездки, к несчастью, потерял своих основных солистов. Но они уже и старые были: кошке исполнилось шестнадцать лет, собаке - одиннадцать. Сейчас набрал молодняк. Мой сын (тоже артист, но у него свой - иллюзионный номер), говорит, что в театре ужасов ему неинтересно. Это понятно, он молодой, ему всего двадцать два года, женился вот недавно. Он там скелетом у них ходит пока. В темноте. И какого черта? Никто его не видит, номер он не работает, ни славы, ни успеха.

- Конечно, для артиста это главное...

- Да для любого молодого человека! Кто же не хочет иметь успех, деньги, быть счастливым, здоровым и богатым? Кто хочет быть горбатым и больным? Это же неинтересно просто.

- Валерий Константинович, а сколько вам сейчас лет?

- Пятьдесят третий. Я старожил уже.

- Скажите, а как вы относитесь к Куклачеву?

- Двояко. Как артиста я не считаю его звездой, а как администратор он - исключительный талант. Представьте только - пробить себе театр! Хазанову не удалось, а у Куклачева проскочило. И Юра, кстати, никогда бы не допустил, чтобы у него на представлении было ползала, как сейчас, например. Он лучше отменил бы представление.

- Но вы же работаете с животными, и он тоже.

- Да я не работаю, я живу. Потому меня и повторить довольно трудно. Если я буду точно работать от и до - дважды два четыре, - это можно будет скопировать. Но именно потому, что у нас жизнь, а не работа, повторить моих животных очень сложно.

- А вы считаете, что Куклачев с животными как раз работает?

- Да, он дрессирует, выдумывает какие-то трюки! А я валяю дурака. Животные мне сами что-то подсказывают.

- А как вы думаете о себе, вы - добрый человек?

- Ну черта с два! Во-первых, я злюка, во-вторых, пьяница, а в-третьих, я вообще противный! Люб, как ты меня терпнешь?

Но Люба начала всячески выгораживать мужа:

- Я его просто обожаю!

- Да ладно, врать-то! Это ты из-за того, что здесь аппаратура включена, да?

- Вы его не слушайте, он добрейший человек! - стояла на своем Люба. - Изумруд!

- Жалко, что камеры нет. Мимику бы твою записать! "Изумруд!" А сама такое на лице изобразила!

- Валерий Константинович, а при такой свободной жизни денег хватает?

- Трудно сказать. Разделить творчество и деньги как-то невозможно. Да это в любой профессии, в вашей, наверно, тоже.

- Но профессия же вас кормит!

- Профессий есть много, но кормят не все. Ну, пришла... (кошке). Как только сказал "кормят", так сразу она здесь. Прямо как в старом анекдоте, когда идет тетя Сара

из магазина и несет очень много туалетной бумаги. ее встречает соседка и говорит: "Ну, Сара, вы и едите!" Я за последние дни две тысячи потратил только на то, чтобы купить мяса для животных.

- Вы кормите их за свой счет?

- Конечно. Им вообще наплевать, что там в верхах и какая сегодня политика. Они смотрят тебе в глаза и говорят: "Давай!"

- Вас сильно достает нынешняя жизнь?

- Да нет, не сильно. Иногда, правда, не знаешь, как быть, хочется повисеть в невесомости... Но как ее создать? Ну вот как здесь сделать невесомость? Впрочем, как обычно. Знаете?

- Нет.

- Отработал. Разгримировался. Пришел домой и спрашиваешь: "Где она стоит?" - "В тумбочке!" - "Наливай!!!" Раз - и невесомость! Потом можно закурить и даже не почувствовать - что.

- А публика сейчас изменилась, с вашей точки зрения?

- Конечно. Люди же тоже не сами по себе. Все, что происходит, касается каждого из них. И молодого, и пожилого. Даже моих артистов задевает. Они же все чувствуют. Когда я нервничаю, навалится скопом и давай мне петь, успокаивать... Четко все понимают.

- Вы проехали за свою жизнь множество городов. Где бы вам хотелось жить?

- Не знаю, у нас такая страна, где есть все - и пустыня, и море, и горы. И всего этого хочется. В одной Грузии, как на всей планете, есть все. Шесть разных национальностей - как шесть континентов. И блюда у всех разные: у одних - страшно перченые, у других - сладкие, у каждого свой рецепт, свои танцы и каждый по-своему хорош, черт возьми! Даже рыжие есть грузины! Это же с ума сойти можно... Даже лысые! Ой, не приведи Господи! Каждая красота по-своему хороша, так что выбирать трудно.

- Многие сейчас выбирают зарубеж...

- Многие сейчас выбирают зарубеж... Так артисты тоже люди, им хочется счастья, и чтобы не болели зубы, и денежку хочется, и покушать повкуснее, чем у нас, и кое-что, как говорится, прикрыть красиво, по моде. Чтобы не порвалось наизвста. Конечно, люди едут.

Татьяна МАРИНИЧЕВА

Фото Вадима Грызлова